

СОВЕТСКИЙ ВЕК

БРЕЖНЕВ

**Сергей
Семанов**

**Евгений
Чазов**

**Юрий
Чурбанов**

**ГЕНСЕК
«ЗОЛОТОГО
ВЕКА»**

Советский век

Сергей Семанов

Брежнев. Генсек «золотого века»

«Алисторус»

2022

УДК 82-94
ББК 63.3(2)

Семанов С. Н.

Брежнев. Генсек «золотого века» / С. Н. Семанов —
«Алисторус», 2022 — (Советский век)

ISBN 978-5-00180-408-6

Эпоха Брежнева была «золотым веком» советской истории. Несмотря на все недостатки, это время осталось в памяти народа как период стабильности, обеспеченности и уверенности в завтрашнем дне. Зарплаты постепенно росли, а цены на продукты оставались неизменными десятилетиями. Не было экономических кризисов, дефолтов и прочих «радостей капитализма». Авторы этой книги хорошо знали Л.И. Брежнева - Юрий Чурбанов был женат на его дочери Галине, а по должности являлся заместителем министра внутренних дел СССР; Евгений Чазов возглавлял 4-е Главное управление при Минздраве СССР, которое следило за здоровьем высших лиц государства, а Сергей Семанов был главным редактором журнала «Человек и закон», который издавался под непосредственным контролем Политбюро ЦК КПСС. В своих воспоминаниях они приводят много ярких деталей из жизни Л.И. Брежнева и передают неповторимый колорит этой эпохи. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-00180-408-6

© Семанов С. Н., 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

Предисловие	6
С. Н. Семанов. Дорогой Леонид Ильич	8
Хороший парень Леня Брежнев	8
Война	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Николаевич Семанов

Брежнев. Генсек «золотого века»

© Семанов С.Н., 2022

© Чазов Е.И., 2022

© Чурбанов Ю.М., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Предисловие

«Брежнев – правитель “золотого века”» – сейчас эта оценка уже привилась, и уже никто с ней, даже либералы-демократы, не спорит. Напротив, абсолютно все дружно ее повторяют в своих статьях и монографиях.

«Как писать идеологическое евангелие для россиян, если значительная часть населения считает, что больше всего демократии было при Брежневе?» – вопрошает либеральный еженедельник «Аргументы и факты». Да еще чьими устами? Того самого Вячеслава Костикова, беспардонного пресс-секретаря Бориса Ельцина, который больше всех именно и озвучивал горбачевско-ельцинскую пропагандистскую клевету про якобы брежневскую тиранию и брежневский застой!

А ведь тирании при Брежневе не было никакой, ни одного своего политического противника он не расстрелял. А что касается единичных случаев репрессий по отношению к диссидентам, высылки Бродского, Солженицына и других «инакомыслящих», так эти высылки провел Андропов, опираясь на Косыгина и некоторых других сталински настроенных членов Политбюро, постоянно терроризировавших Брежнева за то, что он слишком демократичен, и пытавшихся все восемнадцать лет заменить его то одной, то другой «сильной рукой». Претендентов было предостаточно, начиная с Шелепина, практически осуществившего заговор и расписавшего уже даже посты во власти.

Впрочем, сам Брежнев считал, что это нормальная конкуренция в борьбе за власть в демократическом обществе. Разведешь демократию – будут выпихивать. Но что делать? Нет, только не репрессии!

Прозрение приходит поздно. А клеветать мы на собственное прошлое, особенно если нам хорошо заплатят из-за океана, ой как горазды! «Демократы»-«шестидесятники», объединившиеся вокруг Горбачева, гвоздили якобы сплошной брежневский «застой». А о самом Леониде Ильиче Брежневе в 80-е годы писали только с пренебрежительной иронией. Писатель Анатолий Наумович Рыбаков, автор раскручивавшихся со страшной силой «Детей Арбата», целиком написанных по подкинутому ему ЦРУ фальшивым антисоветским сфабрикованным пропагандистским «источникам», по той же указке из ЦРУ кричал на всю страну: «Брежнев 18 лет опускал страну в трясину». Другой предатель, генерал от идеологии Д.А. Волкогонов (выгнанный в свое время Брежневым из Главного Политического управления армии за догматизм и антидемократичность), соорудил по тем же американским сфабрикованным в ЦРУ источникам книгу «Семь вождей» (от Ленина до Горбачева), которая усиленно раскручивалась и продавалась, как ширпотреб, на каждом уличном прилавке. Так вот этот продажный наглец «демократически» иронизировал: «Этот сугубо одномерный человек с психологией партийного бюрократа средней руки... Интеллектуальная посредственность». Эта клевета на Брежнева внушалась пропагандистами ЦРУ советскому «быдлу», чтобы осуществить руками Горбачева и Ельцина разрушение соперничающей с Америкой великой сверхдержавы. В то же время сами-то американцы для себя, для внутреннего пользования всегда давали Леониду Брежневу совершенно другую оценку. Отмечалось, что на международных переговорах Брежнев выглядел очень умелым и эрудированным собеседником. Это же в своих воспоминаниях о личных встречах с Брежневым подтвердили лидеры США и Германии.

Но все рано или поздно встает на свои места. Прошли годы, и вот даже телеобозреватель Леонид Млечин (а известно, что телеобозреватели у нас еще по-прежнему самые огульные ниспровергатели ценностей, отъявленные «демократы» и записные «либералы») вещает с взвешенной щепетильной осторожностью: «Он был человеком незлобным, немстительным и руководствовался принципом: живи и давай жить другим». И Млечин бессильно разводит руками:

«Самое удивительное то, что через много лет после смерти Брежнева мы все еще слишком мало знаем о нем, плохо понимаем, что двигало им, чего он хотел, к чему стремился».

* * *

Одно время дружил с дочерью Леонида Ильича – Галей Милаевой-Брежневой, с которой мы рядышком работали в АПН (специфической конторе, занимавшейся контрпропагандой). Галину Леонидовну сейчас изображают опустившейся выпивохой, и она действительно плохо кончила. Но в молодости была очень шустра и приметлива. Отменно работала на папу. И умела вербовать для папы сторонников, приглянувшиеся кадры щедро одаривала и «повязывала» на отца. Я до сих пор помню, какой она мне устроила тогда сказочный день рождения. Он пришелся на выходной день в Центральном доме журналиста, но Галя договорилась, и для меня одного его специально открыли. Я тогда очень много писал на границу, в самые престижные западные журналы, и хорошо зарабатывал, и я пригласил на банкет массу друзей. А ночью мы все взяли такси, и все поехали на Ленинские горы – смотреть на Москву с высоты Воробьевых гор...

У Брежнева была небольшая дача совсем рядом с кольцевой дорогой, в Заречье, предоставленная ему как члену Политбюро. Сама скромная дача из всех госдач, внешне совершенно неказистая. На ней Брежнев очень любил принимать людей – не на показуху, не на разгул, а потолковать – разных, как можно более широкий круг, чтобы держать руку «на пульсе».

Вопреки сплетням злопыхателей, Брежнев был скромнен в быту. Никаких громадных банкетов за госсчет, как Хрущев, не закатывал. Брежнев по характеру не был барином. Подарки охотно принимал, но и сам страшно любил делать ответные подарки – поедет в командировку, так ни одного скромного зам. зав. отделом, ни одну секретаршу без сувенира от себя на память не оставит. И всех выслушает. Очень умел слушать! Всем слова ласковые скажет.

Любил выпить в компании, но никогда не напивался до невменяемости, как Ельцин, – а так, пил по-русски, «для разогрева души». Острил, сыпал прибаутками. Читал наизусть стихи. Еще с классической гимназии, где он успел поучиться до революции, он знал прекрасно весь Серебряный век русской поэзии. Он замучивал нас стихами, которые прекрасно декламировал. Он вообще был страшно общителен, умел так тебя разговорить, что душу вытягивал. А на телефоне был помешан. Даже дома сидит – начинал обзванивать друзей и знакомых. Всю страну обзвонит, всех первых и вторых секретарей обкомов и видных людей – каждому поддержка. Искал популярности? Да. Но и просто таков был его широкий русский, поразительно коммуникабельный, душевный характер. По духу он был «собирателем» – из тех, вокруг которого всегда куча людей. «Своих» он страшно берег, и недостатком его было, пожалуй, даже то, что он уж слишком опекал «своих». Никак не мог разочароваться в каком-то потерявшем себя человеке – все на что-то надеялся, все хотел дать шанс выправиться. Правда, он порой и подставлял «своих» крепко. Когда надо было кого-то кинуть в разведку боем – не за себя, ради высших государственных интересов.

Любил подчеркивать, что он не гений – не Сталин. Что держится, мол, только на умелом политическом балансе. Ордена и золотые звезды принимал со смешком, скорее, как елочные игрушки. Он был несостоявшийся актер в душе, театром бредил до конца жизни, вот и в ордена игрался, как в театральные реквизиты. Суслов ему, видите ли, внушил, что надо как-то же поддерживать авторитет – что монархи, мол, всегда ходили в мундирах, обсыпанных орденами. Что на Руси иначе тебя царем-батюшкой не признают...

Золотой «брежневский» период в реальности был великой агонией социализма. И может быть, именно в этой тихой агонии сущность «золотого века» Брежнева.

Александр Байгушев

С. Н. Семанов. Дорогой Леонид Ильич

Хороший парень Леня Брежнев

Следует признать, что политический путь наверх Леонида Брежнева протекал неспешно. Он стал, применяя нынешнее выражение, «публичным политиком» сравнительно поздно. Точный тому свидетель – тогдашние справочные издания, которые в отношении партийно-советского руководства были исключительно щепетильны в публикуемых сведениях. Так вот, впервые имя Брежнева было упомянуто в Малой советской энциклопедии, томе I, изданном в 1958 году. Ему шел уже пятьдесят второй год. Заметим, что его тогдашние коллеги по высшему эшелону партии и государства, а позднее его соперники – Гришин, Мазуров и Полянский – были моложе. Не говоря уже о тогдашнем комсомольском вожаке Шелепине, которого давно знала вся страна и даже лауреатная поэтесса Маргарита Алигер посвятила ему трогательные строки.

Вот что говорилось в той энциклопедии: «Родился 6 (19) декабря 1906 – деятель Коммунистич. партии и Сов. государства. Родился в городе Днепродзержинске в семье рабочего-металлурга. С 1921 начал трудовую деятельность. В 1927 окончил землеустроительно-мелиоративный техникум в г. Курске. В 1927–1930 работал на Урале землеустроителем, зав. районным земельным отделом, зам. председателя райисполкома, зам. зав. Уральским областным земельным управлением». Прервем цитирование сухого справочного материала, но отметим немаловажное:

начальная биография Брежнева изложена тут точно. Далеко не обо всех советских вождах, больших и не очень, была такая открытость в публикуемых данных. А Брежнев был действительно простым парнем из трудовой семьи, скрывать ему ничего не приходилось, ни относительно анкетных данных, ни относительно каких-либо сомнительных обстоятельств.

Родился он в рабочем поселке Каменское, который известен как ремесленный центр и пристань на Днепре уже с 1750 года, как только стал осваиваться богатейший, но тогда совершенно пустынный край, названный Новороссией. В конце XIX века началось бурное промышленное развитие Нижнего Приднепровья, не миновало оно и скромный поселок Каменское – тут вырос огромный по тем временам металлургический завод, благо и уголь, и железная руда были рукой подать. Поселок быстро стал городом, в двадцатых годах там насчитывалось 34 тысячи жителей, многие областные города страны были тоща куда малочисленнее. В 1936 году Каменское переименовали в Днепродзержинск. Ну, Днепр, это понятно, но при чем тут Железный Феликс, который в этом городишке ни разу не побывал, да, видимо, и не ведал о его существовании? А ни при чем. Просто полоса была такая нелепая, переименовывали все, кроме рек и озер.

Леонид Брежнев был потомственным пролетарием в самом точном смысле этого когда-то весьма почетного социального признака. Да, при Советской власти трудовым происхождением гордились, как ныне хвастаются счетами на Каймановых островах, или тюремным сроком, или проститутским опытом, что делать, каждой эпохе – свои герои. Так вот, дед Леонида, курский крестьянин Яков, как и тысячи тогда ему подобных, приехал на строящийся металлургический завод и поступил рабочим в прокатный цех, профессия была тяжелая, да по тем временам и опасная. По обычаю того времени его сын Илья, как стал подростком, тоже пошел работать вместе с отцом. Рано женился на юной красавице из той же рабочей слободы, и вот в 1906 году 6(19) декабря Наталья, супруга мастерового Ильи, родила сына, нареченного Леонидом.

Отметим то, о чем помалкивали биографы Генсека при Советской власти, что естественно, и почему-то не вспоминают поныне. Так вот, появился он на свет в день святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских (Никола Зимнего, как попросту говорили тогда и сей-

час). То был любимейший святитель на Руси, дни его праздновались повсеместно. Но младенец получил иное имя, хотя точно известно, что мать была истово православной женщиной до конца дней своих, про мужчин в семье точно не известно, однако атеистами они уж не были наверняка.

Леонид – имя древнегреческое, означает оно «подобный льву». Так и вспоминается спартанский царь, павший со своими воинами в отчаянном бою у Фермопил. Святых Леонидов Русская православная церковь знает пятерых, их имена поминаются в марте, апреле, июне, июле и августе, все даты далеки от начала декабря. Значит, имя младенцу дали по воле родителей, по обычаям той поры это делалось в память родного или близкого человека. Леонид Ильич, вырастая, по складу своей натуры на грозного льва никак не походил, хотя свой воинский долг в положенное время выполнил достойно.

О семье брежневских родителей известно очень мало. Вот почему большую ценность в этой связи представляют собой воспоминания супруги Леонида Ильича. К этому мемуарному источнику мы еще не раз будем обращаться в нашем повествовании, поэтому тут необходимы некоторые пояснения. После кончины Брежнева его вдова и дети переживали нелегкие времена, их выселили из госдачи, потеснили в квартире, забрали многое из имущества (которое хоть и было небедным, но несравнимо с нагребленным богатством «новых нерусских»!). Хуже того, посадили в тюрьму зятя, а дочь долго допрашивали о разных подлинных, но больше мнимых грехах.

Наконец вдову оставили в покое, и она, старая и больная, потерявшая зрение, доживала в той же, хоть и урезанной, квартире. Ее воспоминания стал записывать писатель Владимир Карпов, проживавший по соседству. Ее обширные и совершенно бесхитростные воспоминания он опубликовал в 2000 году в издательстве «Вече». Вдова рассказывала просто и откровенно, не избегая, в отличие от множества мемуаристов, неприятных сюжетов. В книге часто будут цитироваться эти воспоминания. Вот о старших Брежневых:

«Илья Яковлевич – отец Лени – из деревни Брежнево Курской области. Деревня и сейчас называется так. Там многие носят фамилию Брежневы, даже не родственники. В каком году он уехал из деревни, я не знаю, уехал на заработки. Познакомился с Натальей Денисовной в городе. Они поженились в 1904 году. У них первая девочка родилась в 1905 году, но вскоре умерла. 19 декабря 1906 года родился Леня. Потом, в 1912 году, родилась Вера.

Когда случился голод 1921 года, все уехали в деревню, потому что завод не работал. А когда завод заработал, вернулись. Последнее время отец Лени занимал должность фабрикатора, это вроде коммерческого директора: ему давали задание, он распределял его по цехам, те выполняли, и он отправлял продукцию заказчику – железо, болванки разные. В 60 лет вышел на пенсию и вскоре умер – месяц лишь успел отдохнуть. Наталья Денисовна часто потом у нас гостила и умерла в 1975 году. Была она простой, доброй русской женщиной».

* * *

Гражданскую войну Леня Брежнев пережил подростком. Через Каменское перекатывались войска красных и белых, немцев и австрийцев, петлюровцев, махновцев и всяких бесчисленных прочих. К счастью для него, прошло это наваждение, не оставив у юноши ни физических, ни душевных травм. После войны жизнь восстанавливалась с трудом. Однако отец вернулся на завод и смог содержать семью, Наталья Денисовна целиком посвятила себя воспитанию троих детей – Леонида, Якова и Веры.

Старший сын с малолетства испытывал тягу к учебе, что в тогдашней рабочей среде наблюдалось нечасто. В 1915 году Илья Яковлевич смог отдать его в гимназию, что тогда стоило немалых денег. Не место тут рассказывать подробно биографию, однако отметим, что русская гимназия давала превосходное (гуманитарное прежде всего) образование, с нынешней средней

школой тут и сравнения быть не может! Достоверно известно, что Леонид учился старательно. Особенно хорошо усваивалась им математика, а вот иностранные языки – там изучали немецкий и французский – давались ему плохо.

Как в юности порой просматривается зрелость! Леонид Ильич оказался толковым и дельным инженером, хорошим организатором производства. А вот языки и вообще гуманитарные предметы давались ему с трудом, и никакой тяги к ним он всю свою долгую жизнь не питал.

Гражданская война порушила старые гимназии, а советская «единая трудовая школа» еле теплилась. Книг, тем паче учебников, не было, ученики писали на обратной стороне деловых бумаг, ученики, как и их учителя, летом ходили босиком. Разрухе всегда сопутствуют болезни. Вшивый тиф погубил в нашей стране тогда больше людей, чем все воюющие между собой армии, красная ВЧК и белогвардейская контрразведка. Не миновала чаша сия и Леонида: в 1920 году он подхватил тифозную заразу, но обошлось без последствий, которые нередко бывали просто ужасными.

Мирная жизнь вокруг с трудом, но налаживалась. Весной 1921-го Леня получил свидетельство об окончании средней школы. Учили его там неважно, чай не гимназия, но диплом есть диплом. Впрочем, больше всего следовало думать о хлебе насущном, ведь он был старшим сыном, а это рано налагало на юношу ответственность. Начал он учеником слесаря, учился на металлурга, но промышленность восстанавливалась медленно, даже опытные рабочие не находили себе применения, что уж говорить о судьбе ученика-подростка! Зато село, особенно на богатых украинских землях, в годы нэпа быстро поднималось.

Возможно, это и определило выбор практичного не по годам юноши: он уезжает в Курск и поступает в тамошний землеустроительный техникум. При единоличном земледелии, а колхозов еще не было, то была весьма необходимая профессия на селе. Случилось это в 1924 или 1925 году (точных данных пока нет). Известно лишь, что в 1926-м он побывал летом на практике в Орше, что в Витебской области. Так он начал знакомиться с бескрайними просторами своей родины.

В 1927 году Брежнев закончил Курский землеустроительный техникум, было ему тогда лишь двадцать лет, но за плечами его был уже немалый жизненный и трудовой опыт, так что он являл собой вполне взрослого и самостоятельного человека. Он получил назначение на Урал и уже в марте выехал туда. Теперь уже нужно объяснять молодым читателям, что обучение тогда (и еще более полувека позже) было бесплатным на всех уровнях, но по окончании учебы выпускников ждало распределение по нуждам и требованиям соответствующего ведомства.

* * *

В ту же пору в жизни двадцатилетнего Леонида произошло исключительно важное в его личной жизни событие – он влюбился в молодую девушку, его ровесницу, которая училась в Курском медицинском техникуме. Вот что рассказала об этом много-много лет спустя его тогдашняя невеста, а потом супруга до конца его дней:

«– Где и как свела вас судьба с Леонидом Ильичом?»

– Мы встретились в Курске, в общежитии. Он учился в землеустроительном, а я – в медицинском. Ребята приходили к нам в общежитие. И он с ними. Высмотрел меня, когда я была на первом курсе, а он учился уже на третьем.

– Как он тогда выглядел? Понравился вам?

– Как же не понравиться?! Стройный, чернобровый, волосы как смоль густые. Его по бровям издалека узнавали. Глаза большие, карие, сочные. В то время танцы стали модными. Леонид танцевать не умел, и я его учила: вальс, падеспань, полька... Я хорошо танцевала. В театр вместе ходили, всегда на галерку и всегда компанией. В кино на последний сеанс, потому что билеты подешевле. А в субботу обязательно в клуб, на танцы.

– Вам, наверное, хотелось приворожить парня?

– Конечно, хотелось! Жених он был видный, серьезный. Учился прилежно – значит, думал жизнь основательно устраивать. Как его приворожить? Тогда украшений не носили – буржуазный пережиток! Ни сережек, ни колец, губ не красили, щек не румянили – все натуральное. Прически делали девушки без щипцов: то на гвоздики, то на бумажку накручивали. Стрижку носили короткую, называлась – “под фокстрот”. Сзади коротко, а впереди волосы начесывали – высокий чубчик получался! Леонид свои густые темные волосы с пробором набок носил. Ухаживал за мной долго, почти три года. В 1925 году мы познакомились, а поженились только в 1928-м.

– А как он вам в любви объяснился, как предложение сделал?

– Давно это было, не очень-то помню... Ничего особенного. Думаю, как и у всех: время и жизнь тогда были суровыми. Сказал, что любит меня. Спросил: “А ты?” – “Люблю, мол, и я!” Вот и все. Потом, когда он уже получил назначение, говорит: “Давай поженимся”. Я говорю: “Хорошо”. Пошли в загс и расписались.

– А конкуренты у него были?

– Были. Другие парни тоже за мной ухаживали. Это сначала, а потом уже все знали, что Леня за мной ухаживает и я его девушка.

– Почему родители вам такое “нерабочее” имя дали?

– Почему Викторией назвали? У нас много соседей-поляков было, и у моего крестного отца дочку звали Викторией. Видно, родителям понравилось имя. У других детей имена обычные – Александра, Валентина, Лидия, брат Константин. Вот только я получилась на польский манер.

Леня уехал в марте, а мы в июле учебу закончили и отправились к ним. Ребята поехали, и мы следом: три подружки, три невесты. Одна в Первоуральск, две в Шемаху, это не доезжая Свердловска километров десять. Леня встречал меня в Свердловске. Мы не знали, что свою станцию проезжаем. Так уж договорились, что всех нас приедут встречать в Свердловск. Тут пообедали, отдохнули и в тот же вечер к себе – до места добрались утром следующего дня.

У Лени была комната, снимал у богатого человека, который торговал сельскохозяйственными машинами. Большой дом, внизу магазин, а наверху квартиры. Одну комнату мы с Леной занимали, вторую – Сережа Каменев со своей молодой женой, а третью комнату – Ваня, он не был женат. Кухня общая, большая, полати возле печки – на них играли хозяйские дети.

Сначала я и готовить не умела, потом постепенно научилась. Даже хлеб сама пекла. Бабушка научила. Нам давали в пайке ржаную муку, местные жители приносили яйца, кур, молоко. Я тоже устроилась на работу акушеркой. Галина родилась не там – уже в Бисерте. Мы на одном месте не сидели, лето – тут, зиму – там. Переехали в Бисерт. Там Галя и родилась. Леня раньше уехал, говорит: “Квартиру подготовлю. Ты, наверное, здесь родишь”. Приехал за мной, удивился: “Ты еще не родила?!” – “Нет, – говорю, – такое по заказу не делается”. Ну, поехали в Бисерт, нам с пересадкой ехать двое суток. Приехали утром. Хорошо, в дороге не родила. Леню в тот день принимали кандидатом в партию. Он говорит: “Я тебе лошадь пришлю. Если без меня начнется – отвезут!” Он уехал. И вскоре я чувствую: прижимает. Хозяйка спрашивает: “Что туда-сюда бегаешь?!” А я отвечаю: “Вроде скоро начнется...” – “А ну одевайся!” – “Леня же еще не приехал?!” – “Когда тут Леню ждать?! Пошли!”

Идем, идем, остановимся. Уже весна, апрель, ручьи бегут, скользко. А дорога то под горочку, то наверх. Трудно мне идти. Вот мы остановимся, постоим, дальше идем. Страшно – вдруг на дороге начнется?! Но все же успели. Пришли.

Леня поздно вечером прибежал. А нянечка показывает ему на трех младенцев: “Ну вот, выбирайте, какой ваш?!” Леня потом рассказывал: “Я посмотрел: двое рыженьких, думаю, черненькая – наша!” – “Ишь какой, выбрал самого хорошего! Это и есть ваша дочка”. Так Галочка у нас появилась».

* * *

Так Леонид и Виктория Брежневы начали свою семейную жизнь, а продлилась она более полувека, и вполне счастливо, дожили до внуков и правнуков, не разлучались и даже не бранились. Известно, что Леонид Ильич отличался пристрастием к женскому полу, то есть, попросту говоря, бабником был (о чем нам – безо всякого к тому удовольствия! – придется говорить далее). Однако и это порой случается в жизни, Брежнев оставался добрым семьянином и заботливым супругом, любящим, но строгим отцом и дедом.

О своей семье родительской Виктория позже рассказала писателю Карпову такие вот подробности:

«Я по происхождению из простой русской семьи. Родилась в городе Белгороде 11 декабря 1907 года. Отец, Петр Никифорович Денисов, участвовал в русско-японской войне. В 1905 году вернулся, женился, и с 1906 года они жили с мамой в Белгороде. Ее звали Анна Владимировна. Наш город принадлежал то к Курской, то к Харьковской области, а вообще-то – ближе к Харькову. В Белгороде большой железнодорожный узел, не пассажирский, а товарный. Папа работал машинистом на паровозе, товарные составы водил. А мама – домохозяйка. Был свой семейный домик. Нас пятеро детей: четыре сестры и брат. Я старшая дочь. Училась в школе до 1925 года, раньше девять классов было, окончила и поступила в Курский медицинский техникум.

– Кто больше занимался воспитанием детей? Кто сильнее влиял на вас?

– Мама. Она строже. Папа очень мягкий. Да и забот у него было много: единственный кормилец. Семья многочисленная: с нами еще жила папина сестра. Когда она подросла, стала работать белошвейкой, но не самостоятельно, а по найму. Бабушка, папина мать, очень религиозная, тоже с нами жила...

– Родители ваши верующие?

– Вообще редко в церковь ходили, потому как отец все больше в разъездах. На праздники, если не было поездок, особенно на Пасху, ходили с мамой в церковь к заутрене».

На склоне лет, одинокая и несчастная, пережившая родную дочь и переживавшая за неудачного сына, она бесхитростно рассказывала о своей такой далекой и счастливой, вопреки тогдашним тяготам, юности (а тяготы не чувствовались, ибо так жил тогда весь народ):

«Мне хотелось стать врачом. В Курске и Белгороде не было медицинских институтов, потому поступила в Курский медицинский техникум.

Младшая сестра, Александра, после окончания семи классов уехала учиться в Севастополь, в строительный техникум. Окончила его, поехала работать в Москву, по назначению. А в столице закончила еще и архитектурно-строительный институт.

Брат Константин, 1911 года рождения, пошел по железнодорожной части, по стопам отца. После войны работал начальником станции Стрый, там было много бендеровцев, чуть не погиб от их налетов. Позднее перевели его в Харьков, тоже начальником станции. Еще позднее забрали в Москву, там и вышел на пенсию.

Сестра Лидия закончила металлургический, работала в лаборатории. Во время войны с мужем прошла фронты. Он строитель – она с ним была. Потом вернулись, на стройках работали. Два года как умерла. Еще одна сестра, Валентина, та совсем молодой умерла. Училась в Москве, на биологическом факультете. Больной ее отправили перебирать картошку. Простудилась, воспаление легких... Учебу Валя закончила, но у нее открылась в легких туберкулезная каверна. Залечить уже не смогли. И замуж поэтому не вышла. Из-за ее болезни папа и мама не эвакуировались, остались в оккупированном Белгороде. 7 ноября 1941 года Вальку похоронили. Немцы заняли в нашем доме две комнаты. Нашим оставили только одну. Немцы не знали, что зять моих родителей полковник. Староста, может, и знал, но не выдал».

Супруга Брежнева, как и он сам, получила в молодости суровую жизненную закалку. Такое не забывается никогда. Такое оставляет глубокий след в душе каждого нравственного человека, а именно такие составляют, вопреки всем пересудам, большинство людей. Вот почему скромный служащий Брежнев, сын и внук кадрового рабочего, взлетев на неописуемую властную высоту, никогда не забывал и не мог забыть о своем прошлом и, как человек положительный, всю жизнь относился с глубоким уважением к людям труда. Конечно, порой случается в жизни и обратное, когда люди презирают свое происхождение и прошлое, но к Леониду Ильичу такое никак не относится.

* * *

Толковый и работающий землеустроитель Брежнев потихоньку продвигался по служебной лестнице. В самом конце двадцатых годов на Урале началась «сплошная коллективизация». Прямого отношения к ней Брежнев не имел, но заметим, что в уральских условиях она была куда менее суровой, чем на Кубани, например, или на Украине, или в центральных областях России. В его личной судьбе гораздо важнее иное: в 1929 году он был принят в кандидаты ВКП(б), что было в ту пору чрезвычайно сложной процедурой, за «пролетарским происхождением» следили тогда очень строго. В следующем году Брежнев стал полноправным членом партии, которой верой и правдой прослужил более полувека без единого взыскания.

А затем – новый крутой поворот в жизни. Брежнев с детства имел несомненную тягу к образованию, хотя значительными способностями явно не обладал. Потомственный металлург, он, видимо, «не прилепился» душой к сельским делам, решил пойти по стопам отца и деда. Его супруга позже рассказала о том очень обстоятельно:

«В 1930 году Леню пригласили на работу в Свердловск, в земельное управление. До осени там работал. А в сентябре он с товарищами решил поступать в институт. Поехали в Москву, в Институт сельскохозяйственного машиностроения. Поступили. А мне куда же деваться?! Где жить? На что жить? Я Галю оставила своей маме в Белгороде. Но все равно, видим, в Москве не прожить. Тогда Леня написал в Днепродзержинск: можно ли устроить перевод в местный институт? Там жили его родители, они бы нам помогли с жильем, да и вообще во всем. Разрешение на перевод получили и в 1931 году приехали в Днепродзержинск. У Лени нет работы, а факультет вечерний, надо обязательно работать на заводе. И он поступает в теплосиловой цех кочегаром. Работали там в три смены. Получалось так: когда утром идет на работу, то вечером – в институт, а если вечером работает – утром учится. Бывало, придет, одни зубы белые: кочегар есть кочегар! Ванны не было. Воду на плите нагревали, кочегара отмывали, в студента превращали! Мы плиту коксом топили, он хорошо горит, легкий, от него меньше копоти, он чище, чем уголь. Потом, правда, сделали душ, ванну. Вот так четыре годика прокрутились. Закончил он институт в 1935 году. Диплом защитил с отличием. В условиях, в каких мы жили, да еще работы, это не так просто.

На третьем курсе Леню избрали парторгом. С того дня он уже в цеху не работал, немного легче стало: занимался в комнате институтского парткома. Жили очень тесно, заниматься негде. В нашей комнате около дверей направо плетеная этажерка и кровать – папа с мамой спали, около окна стоял сундук – зеленый, обитый железом, с Урала привезли. На этом сундуке, подставляя стулья, спали моя сестра Лида и сестра Лени – Вера. А мы на полу спали: я и Леня. Галина кроватка в углу стояла, потом еще Юра появился. Дед Лени – Яков Ильич – спал на кухне. В другой маленькой комнатке жили сестра Лениной мамы с мужем и двумя детьми. Вот сколько нас было в двухкомнатной квартире».

Так жила в ту пору вся страна, весь ее народ. Но то была и пора великих свершений, которые отчетливо, зримо преобразили облик Родины. Люди тяжело жили, но четко видели перспективу к лучшему, и не в пустых агитаторских призывах (кто и когда им верит?), а именно

в своих личных планах и чаяниях. «Жить стало лучше, жить стало веселее», – сказал в ту пору любимый народный вождь. И это было истинно так. Исчезли безработные, беспризорники, уличные проститутки, игорные дома, круто укоротили бандитов, которые в годы разрухи и ослабления правопорядка невиданно расплодились. Зато на новых заводах тысячами сходили с конвейеров отечественные автомобили и самолеты, трактора и танки, многое иное, чего прежняя Россия не имела отродясь. И стало появляться великое искусство, высокое по уровню и подлинно доступное народу, что в мировой истории случалось только во времена подлинного общенационального подъема.

Уже студентом Брежнев становится сначала парторгом своего факультета, а потом и целого института, назначается директором вечернего рабфака, который готовил будущих студентов из числа рабочих. Наконец, в январе 1935 года он защищает на «отлично» диплом: «Проект электростатической очистки доменного газа в условиях завода имени Ф.Э. Дзержинского». Работа была связана с практикой его завода, что и требовалось временем. Брежневу было присвоено звание инженера-теплосиловика. Профессия узкая, но опять-таки насущно необходимая в стремительно развернувшейся индустриализации.

На родном заводе Брежнев предстал теперь в новом качестве – начальником смены силового цеха. Время было напряженное, продукцию металлургических заводов с нетерпением ждала вся промышленность страны. И в это самое время его, кому уже близились тридцать лет, отца двоих малолетних детей, призывают в Красную Армию рядовым. И он охотно отправляется на призывной пункт. Для очень многих читателей этот простой тогда случай нуждается в пояснениях...

* * *

В России, императорской ли, советской, служба молодых мужчин в Вооруженных Силах была неременным долгом, причем почетным. Тех молодых людей, которые волей-неволей этой службы не проходили, не очень ценили на работе, и женихами они считались не самыми лучшими. Так было ранее и в дворянских семьях, и в крестьянских, а позже в равной мере у комиссаров и беспаспортных колхозников. При Советах армейская служба ценилась особенно высоко. Парень из самой простой семьи, окончивший провинциальную школу, демобилизовавшись после службы с хорошими характеристиками, мог запросто поступить на любой факультет МГУ или ЛГУ. Так было, в том нет ни малейшего преувеличения, это может подтвердить любой пожилой человек.

Это теперь, когда сынки из богатых семей не считают позором «закосить» с фальшивой медсправкой, – да, теперь это кажется чем-то необычным. А вот Леонид Брежнев, процветающий инженер передового по тем временам производства, уходил на солдатскую службу, ну, не с восторгом, может быть, кто знает, но безусловно с чувством исполняемого высокого долга. И еще: человек практичный, он четко понимал, что служба эта ему потом зачтется.

Направили не очень молодого призывника на другой конец Советской державы, в город Читу, Забайкальский военный округ. То был округ приграничный, а граница – самая, пожалуй, напряженная среди тысяч километров нашей пограничной линии. Уже в 1931 году японские войска вторглись в Северный Китай, а через год основали кукольное «государство» Маньчжоу-Го. Но планы-то у самураев были обширные, они помнили, как в годы белогвардейщины их части стояли аж в Омске. Так почему бы не вернуться опять в богатую Сибирь?..

Забайкальский округ в то время сильно укрепляли, в частности, впервые созданными у нас в стране танковыми подразделениями. Брежнев, возможно, гордился, самолично ощущая продукцию своего металлургического завода, преобразованную в танковую броню. Служба шла как обычно: отслужил курсантом в полковой школе, освоил управление боевой машиной. Здесь-то и привилась ему любовь к быстрому движению, водителем он на всю жизнь остался

прекрасным. Член партии в ту пору – редкость среди новобранцев, и вскоре он становится политруком танковой роты. Военских званий тогда в Красной Армии не существовало, это было что-то вроде современного лейтенанта.

Отслужив в танковой части около года, Брежнев демобилизовался и в ноябре 1936 года вернулся домой в Днепродзержинск.

Вдова его позже вспоминала о тех временах:

«Попал он в танковую часть политруком роты. Писал редко, потому что занятий было много. Отслужил и вернулся перед октябрьскими праздниками. Тогда-то папа его и умер. Он очень болел – у него был рак. Тяжело болел. Ну, Леня приехал, похоронили отца. На работу пошел, и тут его избрали или назначили, точно не знаю, заместителем председателя горсовета».

Как видно, невеселые новости встретили недавнего политрука в родном доме. Но на родной завод он вышел сразу же. Впрочем, его, опытного и образованного инженера, поставили уже не на прежний участок, а директором вновь созданного Днепродзержинского металлургического техникума. Он любил работать с людьми и назначение принял охотно. Но и тут пришлось ему проработать очень недолго, в ту пору жизнь шла стремительно и бурно. Вот что рассказал он сам в позднейших воспоминаниях:

«Вскоре после возвращения из армии меня избрали заместителем председателя исполкома Днепродзержинского горсовета. Председателем был тогда Афанасий Ильич Трофимов, старый член партии, моряк-балтиец, участник Октябрьской революции, рабочий нашей Дзержинки. Образование он имел небольшое, очень обрадовался моей инженерной подготовке и сразу предложил ведать в исполкоме вопросами строительства и городского хозяйства...

В Наркомтяжпроме мне удалось получить ассигнования, и мы проложили трамвайную линию от Баглея до площади Ленина – настоящее торжество было, когда красные вагоны побежали через весь город. Помню, как возвели (за шестьдесят два дня) красивое здание, в котором и сегодня помещается Дворец пионеров... В городском Совете Днепродзержинска я был более года».

* * *

В горсовете Брежнев ведал сугубо хозяйственными делами. Должность была весьма хлопотливой. И не только потому, что промышленный Днепродзержинск тогда стремительно рос и развивался, а значит, недоставало жилья и всякой, как тогда выражались, «бытовки», то есть, по-современному, сферы обслуживания. Советская власть была истинно демократической, отвечать перед народом за нехватку столовых или детских учреждений приходилось исполкому. Граждане знали свои права, жаловались, а к жалобам положено было прислушиваться. А ведь были еще и жалобы «наверх», а то и в газеты. Это теперь, когда газетные полосы заполнены пресловутым «компроматом», на них никто и внимания не обращает. А в ту пору критика в печати это... Такие примеры мы здесь еще приведем.

Нет сомнений (хотя подлинные сведения тут скудны), что Брежневу в его должности на советской работе очень помогали личные черты характера: обаяние, мягкосердечность, готовность помочь людям, отсутствие малейшего высокомерия и зазнайства. В советской реальности такие качества очень ценились. Это великий вождь Сталин был вне любой критики и сомнений, но только он один на всю страну. А всем иным руководителям, большим и малым, с критикой приходилось считаться, да еще как.

Словом, молодой советский работник Брежнев на своей хлопотливой и черновой работе проявил себя хорошо. Этого не могли не заметить его непосредственные руководители, и они это оценили.

Днепродзержинск входил в состав Днепропетровской области, одной из самых мощных по развитию индустрии не только на Украине, но и по Союзу в целом. Первым секретарем тогда

стал С. Задонченко, в дальнейшем больших служебных успехов не показавший, о нем история подробных сведений не сохранила. Зато вторым секретарем обкома стал Константин Степанович Грушевой, вот он-то в нашем повествовании заслуживает особого внимания. Ровесник Брежнева, он учился с ним вместе в Днепродзержинском институте, оба работали металлургами, а главное – подружились, искренне, не подозревая о своих будущих карьерных взлетах, общались семьями. Оказалось, что и Задонченко Брежнева знает. Ничем себя не запятнавшие кадры были после чистки нужны позарез, и Леонида вспомнили.

В мае 1939 года он был утвержден заведующим отделом торговли Днепропетровского обкома. Вопреки скромному наименованию, обязанности его оказались широки: тут и организация общественного питания, торговые базы и склады, транспорт и т. п. Осенью того же года по всей Украине прошли партконференции в связи с предстоящим республиканским съездом. Брежнева избирают членом обкома, а уже с февраля 1940-го он становится секретарем Днепропетровского обкома по пропаганде. Это была уже очень высокая номенклатура. Ну вряд ли Брежнев стал выдающимся идеологом, не имел он к тому никогда никакой тяги, но работу свою, видимо, тянул, как все вокруг.

И вот – новое назначение, которое на сей раз вполне соответствовало его интересам и способностям. Сам он позже вспоминал об этом так:

«В 1940 году Днепропетровский обком получил ответственное задание ЦК ВКП(б) – перевести часть предприятий области на выпуск военной техники. Из Москвы пришла шифровка, предлагавшая нам учредить должность секретаря обкома по оборонной промышленности. Заседание бюро проводил Задонченко. Он сказал, что, учитывая особую важность этой работы и значение, которое ей придает Политбюро Центрального Комитета, надо на этот пост выдвинуть не только технически подготовленного, знающего металлургию специалиста, но и дельного организатора, умеющего работать с людьми. Вот так примерно он говорил и предложил мою кандидатуру. Проголосовали единогласно».

* * *

Никаких сколько-нибудь интересных подробностей о деятельности Брежнева на всех этих постах не известно, да вряд ли они представляют нечто существенное. Работал, как все тогда, не зная покоя и отдыха. Впрочем, иного в те годы не допускалось. Но вот о его личной жизни есть безыскусные и точные свидетельства вдовы:

«И радости были, все было. Маленькие дети – такая радость, а выросли – одно горе. Леня приходил с работы поздно – дети его не видели неделями. Особенно когда в обкоме работал. Приходил в два и три часа ночи – дети уже спят, а утром дети в школу идут – он еще спит. В обкоме обедал. Только в воскресенье видели его, да и то, смотришь, опять звонят – срочно вызывают в обком.

– Как вы питались, что любил Леонид Ильич?

– У нас на первое в основном борщи: борщ украинский, горячий и холодный. Теперь я варю борщ только на растительном, подсолнечном масле: нужна легкая постная пища. А в те годы делала борщ из свеклы, картофеля, капусты, помидоров, чеснока, сала. И еще хороший кусок мяса. Иногда немного фасоли или грибов добавляла. На второе готовила жаркое, котлеты. На жаркое брала свинину, ошеек, самое хорошее мясо, по-моему: жиру немного и мясо мягкое. На рынок сама ходила. Раньше все на рынке брали. Битую птицу тогда никто не покупал: вдруг она дохлая?! Брали только живую. Какие базары на Украине! Особенно в субботу и воскресенье. Кур привозили большими клетками. Скажешь, вот эту курицу – тебе ее поймают. А сколько рыбы на Украине?! Там же Днепр! На базар я любила ходить. Борщ варила на два-три дня, суточный – он вкуснее, потому как настаивается. Мясо можно прокрутить через мясорубку, луку добавить... Вареники, блинчики с мясом сделать или пирожки.

Вареники Леня любил с картошкой и с квашеной капустой, с жареным луком, а пироги любил с горохом. В воскресенье, когда вся семья в сборе, пироги пекла с мясом, но больше с горохом. Любил жареную рыбу: сома или налима без костей. Потому что еще в молодости подавился как-то косточкой и с тех пор опасался. Карасей я готовила, но косточки выбирала, фаршировала рисом, грибами.

– В редкие дни отдыха как он с детьми занимался?

– Книжки им читал. Любил стихи. Есенина хорошо знал. Стихи он хорошо читал и Галю научил...»

Такими вот великими трудами и простыми радостями жила тогда вся страна. Быт высокой номенклатуры, а Брежнев к ней уже принадлежал, немногим отличался от днепродзержинских рабочих-металлургов, их жены тоже не любили битую птицу, делали примерно такие же борщи, пусть и немного попроще. И металлурги тоже вкалывали в своих горячих цехах не от сих до сих, а столько, сколько надо для выполнения государственного плана. Ибо они, как и секретарь обкома Брежнев, почитали это государство своим, родным. А какие могут быть счеты между родными и близкими?.. Напомним, Днепропетровск был тогда крупнейшим центром советской тяжелой промышленности. Для будущего жизнеописания Брежнева необходимо отметить, что именно в предвоенные годы сложились у него близкие товарищеские отношения с питомцами Днепропетровского металлургического института, работавшими потом на заводах города, вот их имена: И.Т. Новиков (позже зам. председателя Совмина СССР), Г.С. Павлов (позже управделами ЦК КПСС), Н.А. Тихонов, ставший Председателем Совета Министров в октябре 1980 года, Г.К. Цинев (зампред КГБ), Г.Э. Цуканов (первый помощник Генсека), Н.А. Щелоков (ну, этого помнят до сих пор!). Все они оказались людьми толковыми, дельными, преданными советскому Отечеству. Брежнев не забыл их потом, а они ему служили преданно. Ясный признак хороших личных качеств будущего Генсека, ибо товарищество всегда высоко ценилось на Руси.

Война

Страшная война обрушила все привычное течение жизни. Да, ее ожидали, и скоро, и простые граждане, и секретари обкомов, но грянула она тем не менее внезапно.

Главное же в ином: 22 июня 1941 года ни один житель полумиллионного Днепропетровска в страшном сне не мог себе представить, что уже через два месяца в город войдут немцы, да притом еще захватят неповрежденным огромный мост через Днепр, и что более двух лет жить придется в оккупации...

В официальных мемуарах Брежнева, сильно разукрашенных его подручными, говорится, что он уже в первый день войны обратился с просьбой отправить его на фронт и якобы «в тот же день моя просьба была удовлетворена: меня направили в распоряжение штаба Южного фронта». Это мелкая и совершенно излишняя ложь. Во-первых, секретарь обкома был рядовым солдатом партии, никакого своеволия тут не допускалось. Во-вторых, известно, что Брежневу в первые недели войны пришлось заняться эвакуацией населения и особо – вывозом оборудования с предприятий, особенно военных. Город с первого дня войны подвергался налетам вражеской авиации, так что задача была тяжелая. А в распоряжение штаба Южного фронта он поступил лишь в середине июля, став заместителем начальника политотдела. Командующим был генерал армии И.В. Тюленев, Брежнев получил чин полковника.

Теперь в памяти о его военной страде остались только четыре Звезды Героя Советского Союза, полученные через двадцать лет после Дня Победы, да анекдоты. Вот самый популярный, сложенный еще при его жизни: как-то Сталин собрал совещание своих маршалов: Жукова, Рокоссовского, Василевского и других – все высказались, ждут решения Верховного, а он вдруг говорит: «Пойду посоветуюсь теперь с полковником Брежневым...»

Такое представление о полковнике Брежневе совершенно несправедливо, как бы его ни оценивать в целом. Сам он никогда о своем участии в планировании стратегических операций не рассказывал (в отличие, например, от Хрущева), геройских подвигов себе не приписывал. Сомнительные его «царедворцы», пользуясь глуповатой брежневской слабостью к наградам, вешали ему на грудь геройские звезды и нагло славословили в печати.

Все четыре года войны провел Брежнев на фронте, не получив ни одного дня отлучки. Да, он не поднимал роты в смертельную атаку, но на войне гибнут и большие командиры, и нередко, вспомним хотя бы знаменитых генералов Ватутина и Черняховского. А полковник Брежнев бывал под огнем неоднократно. Вот один лишь, вполне подтвержденный многими свидетельствами случай (это из «Малой Земли»):

«Переправы мы осуществляли только ночью. Когда я приехал на Городскую пристань Геленджика... у причалов не было свободного места, теснились суда разных типов, люди и грузы находились уже на борту. Я поднялся на сейнер “Рица”. Это была старая посудина, навсегда пропахшая рыбой, скрипели ступеньки, ободраны были борта и планшир, изрешечена шрамами от осколков и пуль палуба...

С моря дул свежий ветер, было зябко... Сейнер обжигался на глазах. В разных местах на разных уровнях бойцы устанавливали пулеметы и противотанковые ружья. Каждый искал себе закуток поуютнее, пусть хоть тонкой дощатой перегородкой, но закрытый со стороны моря. Вскоре поднялся на борт военный лоцман, и все пришло в движение.

...Ночная тьма во время переправ была вообще понятием относительным. Светили с берега немецкие прожекторы, почти непрерывно висели над головой “фонари” – осветительные ракеты, сбрасываемые с самолетов. Откуда-то справа вырвались два вражеских торпедных катера, их встретили сильным огнем наши “морские охотники”. Вдобавок ко всему фашистская авиация бомбила подходы к берегу.

То далеко от нас, то ближе падали бомбы, поднимая огромные массы воды, и она, подсвеченная прожекторами и разноцветными огнями трассирующих пуль, сверкала всеми цветами радуги. В любую минуту мы ожидали удара, и тем не менее удар оказался неожиданным. Я даже не сразу понял, что произошло. Впереди громыкнуло, поднялся столб пламени, впечатление было, что разорвалось судно. Так оно, в сущности, и было: наш сейнер напоролся на мину. Мы с лоцманом стояли рядом, вместе нас взрывом швырнуло вверх.

Я не почувствовал боли. О гибели не думал, это точно. Зрелище смерти во всех ее обликах было уже мне не в новинку, и хотя привыкнуть к нему нормальный человек не может, война заставляет постоянно учитывать такую возможность и для себя. Иногда пишут, что человек вспоминает при этом своих близких, что вся жизнь проносится перед его мысленным взором и что-то главное он успевает понять о себе. Возможно, так и бывает, но у меня в тот момент промелькнула одна мысль: только бы не упасть обратно на палубу.

Прожекторы уже нащупали нас, вцепились намертво, и из района Широкой балки западнее Мысхако начала бить артиллерия. Била неточно, но от взрывов бот бросало из стороны в сторону. Грохот не утихал... И в этом шуме я услышал злой окрик:

– Ты что, оглох?! Давай руку!

Это кричал на меня, протягивая руку, как потом выяснилось, старшина второй статьи Зимода. Не видел он в воде погон, да и не важно было в такой момент... Ухватившись за брус, я рванулся наверх, и сильные руки подхватили меня».

* * *

Напомним, кстати, что в сорок первом Брежнев был уже не молод, под тридцать пять, и на попечении его находились престарелая мать, жена, двое детей, другая родня. Вот как они жили в ту страдную пору, четыре года не видя сына, мужа и отца. Это опять со слов вдовы:

«Леня ушел на фронт прямо из обкома. В первые дни июля уехал. А мы остались. Через несколько дней приехал за пополнением уже в форме. В эти дни начали эвакуацию завода. Такая бомбежка была! От нашего дома недалеко мост через Днепр – его и бомбили! А все, что мимо, – по нам! Леня пришел прощаться, а тут такая бомбежка! Ужас! Он говорит: “Да у вас хуже, чем на фронте!” Детей поцеловал, со мной попрощался и уехал! На четыре года уехал! У него не было военного образования, потому присвоили ему звание полковник, а так бы сразу генералом стал.

После его отъезда мы эвакуировались с обкомом. Долго ехали – несколько недель...

Поселили нас, несколько семей, в одной комнате. Мне досталась солдатская железная кровать. Еще у меня был коврик, им я закрывала окно, чтобы не дуло. И вот на этой кровати всей семьей спали – я, Галя и Юрочка, они валетом, а я рядом. На второй кровати жена Якова Ильича с ребенком. У противоположной стены еще две кровати стояли: жена секретаря обкома, а позднее генерала Грушевого с дочкой спали и ее мама с мальчиком. И все – в одной комнате! Четыре семьи и еще мама Лени. И так два года. Назад мы уехали в 1943 году. Как жили, как выжили – не знаю!

По сравнению с другими эвакуированными мы еще неплохо устроились: хоть и тесно, но все же, как говорится, крыша над головой. Аттестат был от Лени на 1000 рублей. Карточки на четыреста граммов хлеба каждому. К военторгу были прикреплены, паек получали – лапшу или вермишель. На разбавленном молоке варили нечто вроде супа. А лето подошло, легче стало – дикий лук, щавель зеленый, чеснок...

– А что Леонид Ильич писал, как он там воюет?

– О боях особенно не писал. Знали, что на Четвертом Украинском фронте в последнее время, у командующего генерала Петрова. А до этого – на Малой Земле, там тоже Иван Ефимович Петров командовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.